

Пролог

Заброшенный дом хранил много тайн. Странный это был дом. Когда-то его любили, но почему-то бросили, и теперь он стоял и разрушался.

Впервые Джейн заметила его с моря. Ей тогда было семнадцать; она работала гидом на катере Эйба Адамса. Раньше Эйб ходил на нем ловить лобстеров, а теперь возил туристов на закатные прогулки с коктейлями.

За три месяца до этого, в конце апреля, в пятницу, ее впервые в жизни вызвали к директору. С гулко бьющимся сердцем Джейн шагала по пустым коридорам, старалась ступать мягко, но стук ее шагов отдавался от линолеума и пугал. Тогда ей нравилось быть незаметной. Она шла, краснела и места себе не находила: что такого она натворила? Почему ее вызвали?

За столом под флуоресцентной лампой сидела полная секретарша с жесткими, как мочалка, волосами. Она улыбнулась и радостно указала на открытую дверь директорского кабинета, а Джейн подумала, не испытывает ли секретарша садистское удовольствие, подслушивая, как за тонкой стенкой ее начальник распекает старшеклассников.

Напротив директора устроились учителя Джейн по английскому и обществознанию. Все трое улыбались. Ее вызвали «сообщить прекрасную новость»: Джейн попала в почетный список из двадцати пяти школь-

ников штата Мэн, выбранных для участия в летней программе Бейтского колледжа. Это очень престижно. Потрясающая возможность. Если Джейн согласится, в следующем году у нее будет гораздо больше шансов поступить куда угодно. Пройденный семинар учтут как дополнительные баллы, она сможет погрузиться в выбранную тему и изучить ее намного глубже, чем в школе, даже на подготовительных курсах для поступления. На днях ее мама получит письмо, где все написано, но им не терпелось сообщить ей лично.

Джейн сразу подумала: жаль, нельзя бабушке рассказать. Потом пошла домой и стала ждать, пока мать поднимет тему.

Прошло пять дней, а мать молчала. Каждый день, приходя домой из школы, Джейн просматривала распечатанную почту на кухонном столе, но никакого письма из колледжа не находила. Она представила, как мать его прячет, сжигает или выбрасывает.

Наконец Джейн не выдержала и прямо спросила мать, получила ли та письмо.

— Да, — как ни в чем не бывало ответила та. — Не знаю, Джейн. Это дорого. Похоже на развод.

Джейн объяснила, что программа бесплатная: оплачиваются даже учебники и проезд.

— Бесплатный сыр только в мышеловке, — ответила мать. — Они тебя используют.

— Зачем? — возмущенно спросила Джейн.

— Тебе все равно придется работать летом, — сказала мать. — Не отвертись.

— Я хоть раз пыталась отвертеться? — фыркнула Джейн и вполголоса добавила: — Скорее бы свалить из этого дома.

— Куда собралась сваливать? — процедила мать. — Дай ручку. Карту нарисую.

Джейн пошла в комнату, где они жили со старшей сестрой, и хлопнула дверью. Холли лежала в постели и читала журнал. На Джейн она даже не посмотрела.

Эллисон, лучшая подруга Джейн, испекла поздравительные брауни и купила набор ее любимых шариковых ручек. Их с Эллисон дружба доказывала, как много в жизни зависит от случая: подруга никогда бы не заговорила с Джейн, если бы на первом году обучения в старших классах им не выделили один шкафчик; а перейти в новую школу Джейн пришлось, потому что незадолго до этого в том же году ее бабушка умерла и они с матерью и сестрой переехали в бабушкин дом в Авадапквите.

Раньше они жили с бывшим приятелем матери на съемной квартире в Уорчестере, Массачусетс. Это было странное соседство. Мать с бывшим расстались несколько месяцев назад, но никто не хотел съезжать с квартиры. Он целыми днями лежал на диване в гостиной, а Джейн и Холли ходили вокруг него на цыпочках. Когда проблема решилась, мать обрадовалась, хотя бабушкин дом ей не нравился. Она не могла отказаться от этого наследства, однако оно сделало ее заложницей родного городка, откуда мать когда-то мечтала сбежать навсегда.

Джейн не знала, какой дьявол вселился в Эллисон, что та решила разговорить ее, засыпать вопросами и пригласить в гости. В школе все знали друг друга с рождения, или так Джейн казалось, и все хотели с Эллисон дружить. Но она почему-то выбрала Джейн,

заучку, новенькую, ту, которая читала книжки на автобусной остановке перед школой, потому что любила читать книжки, а еще потому, что пыталась таким образом скрыть свое одиночество.

У родителей Эллисон была гостиница. Они состояли во всех местных советах и комитетах, по вторникам устраивали бинго в пожарной части, а зимой собирали всех в школьном спортзале и безвозмездно угощали оладушками. Папа Эллисон тренировал команды по бейсболу и хоккею. Несмотря на свою занятость, они всегда были рады видеть Джейн. Расспрашивали о ее жизни, особенно мама Эллисон, Бетти, которая гордилась Джейн, как не гордилась ее собственная мать.

За три года знакомства с Эллисон Джейн чаще ужинала у нее, чем у себя дома. К Джейн домой они никогда не ходили: подруга будто чувствовала, что этого делать не стоит, и Джейн была ей за это признательна.

Мать всегда жаловалась, что у нее нет сил, хотя Джейн не понимала, от чего она так устает. Она не справлялась с простыми жизненными проблемами, с которыми у других взрослых получалось справляться само собой. Когда Джейн спрашивали, кем работает ее мать, она врала. Заявляла, что она бухгалтер, и мать действительно когда-то им была, только очень давно, еще до того, как у Джейн появились первые воспоминания. Мать до сих пор иногда заговаривала об этой работе, да в таком ключе, будто планировала однажды вернуться.

Но на самом деле она ходила на гаражные распродажи и с небольшой наценкой перепродавала купленный

там хлам. Можно сказать, это и была ее работа. Она закупалась в субботу и воскресенье, а по понедельникам относила находки в местные комиссионки и просто разным людям, пытаясь пристроить их с прибылью. Остаток времени сидела дома и трепалась по беспроводному телефону с очередным ухажером, пила пиво и обводила в газете адреса и даты следующих гаражных распродаж. Или перебирала хлам на кухонном столе.

Никому не нужные вещи, которые спихнуть не удалось, оставались на кухне и в гостиной, захламляя все свободное место. На столах и комодах стояли вазы со старыми значками, призывающими голосовать за давно забытых кандидатов, клипсами, бейсбольными карточками, севшими батарейками и шнурами от потерянных приборов. А на лужайке под брезентом гнили трехногие кофейные столики, велосипеды без цепей и бог знает что еще.

В первый день занятий в Бейтском колледже Джейн очень нервничала. Эллисон вызвалась ее проводить и села с ней в автобус. После Джейн каждый день садилась в автобус и проезжала полтора часа уже одна. Так продолжалось весь июль, за исключением суббот и воскресений. Джейн высаживалась возле импозантного кампуса, где под сенью ветвистых зеленых деревьев стояли корпуса из красного кирпича. Всю дорогу туда и обратно она читала; ее распирало от гордости, и казалось, что другие пассажиры могли прочесть это в ее глазах.

Семинар, который выбрала Джейн, назывался «Первые женщины в литературе». Его вела профессорша, дама лет шестидесяти пяти с короткой стрижкой. На

первом занятии она написала на доске: «Большинство имен со временем никто не вспомнит». Преподаватель назвала имена писательниц шестнадцатого века, которые уже тогда записывали истории своей жизни, хотя для женщины того времени занятие литературой считалось неприемлемым. Но именно благодаря записям их имена остались в веках. Джейн очень понравилась эта мысль. Она глотала стихи Люси Кавендиш и дневники Анны Клиффорд, в которых та детально описывала все подробности своего существования.

На четвертой неделе занятий в среду вечером разразилась гроза. Джейн любила гром и молнию. Она забралась под одеяло в кровати, читала до полуночи и слушала дождь. Она была счастлива. Дважды отключали электричество, но через минуту включали.

Наутро по пути к автобусной остановке Джейн увидела несколько упавших деревьев — жертв стихии, что разбушевалась ночью. Но над головой сияло голубое небо, грозы словно и не бывало.

Она приехала в колледж раньше времени и возле аудитории случайно подслушала, как ее профессорша с кем-то разговаривала.

— Одна ученица, Джейн, умнее и любознательнее многих моих второкурсников и третьекурсников, — сказала преподаватель. — Видела бы ты, какие эти дети умные. Я так рада, что согласилась вести этот курс. Цель программы — показать мотивированным детям из неблагополучных семей, что такое колледж, чтобы они стали первыми в своем роду с высшим образованием. Мы помогаем разорвать порочный круг.

Джейн ничего об этом не знала. Ей захотелось возразить, сказать профессорше, что та ошибается, потре-

бовать объяснить, в чем, по их мнению, заключается неблагополучие ее семьи. Но она понимала. Ее воспитывала пьющая безработная мать-одиночка. Старшая сестра Джейн оказалась в заголовках новостей, когда напилась с какими-то ребятами и угнала лодку, а проснувшись на следующий день в камере, утверждала, что ничего не помнит.

Джейн думала, что, попав в летнюю программу, доказала матери и сестре, что она другая. Теперь же она уяснила, что все наоборот: ее происхождение сыграло решающую роль, и так будет всегда.

В тот день в автобусе Джейн не читала, а просто смотрела в окно. Хуже всего было понимать, что мать знала, почему ее выбрали. Поэтому и не сказала про письмо. Джейн устыдилась, ведь выходит, из-за нее мать ткнули носом в собственные изъяны. С другой стороны, она злилась на мать за ее никчемность.

Придя домой, Джейн плакала в душе, пока не истратила горячую воду. Потом переделась в рабочую форму — светло-коричневые брюки и белую рубашку на пуговицах — и явилась на причал без опозданий, за пять минут до закатной прогулки в семь ноль-ноль. Как ни в чем не бывало улыбнулась Эйбу, хозяину катера.

Два предыдущих лета Джейн работала на дневных прогулках; ее клиентами были в основном родители, нагруженные колясками, солнцезащитным кремом и бумажными стаканчиками с кофе. Джейн помогала им вместе с восторженными малышами подняться на борт и четыре раза в день жизнерадостно повторяла один и тот же набор фактов в шипящий проводной микрофон, каждый раз вызывая одну и ту же реакцию.

Джейн говорила: «Пешеходный мостик Авадапквита — единственный в своем роде во всех Соединенных Штатах». Пассажиры переглядывались, кивали и отвечали: «Хм, любопытно».

Она говорила: «Раньше в Мэне водилось столько лобстеров, что заключенным в тюрьмах давали их на завтрак, обед и ужин. Но реформаторы сочли это неоправданной жестокостью и выступили против этого обычая. Поэтому сейчас законом штата Мэн запрещено подавать заключенным лобстера чаще двух раз в неделю». Тут пассажиры смеялись, ведь не далее как вчера сами отвалили почти двадцать баксов за стограммовую порцию твердопанцирного лобстера.

Когда катер отплывал далеко от берега, Эйб поднимал из воды одну из ловушек, и Джейн выбирала самого внушительного лобстера и давала всем рассмотреть. Она размахивала скользкой тварью у детишек перед носом, а те по очереди хватали лобстера за извивающиеся клешни и усики или с визгом прятались у матери под мышкой. Всегда одно из двух.

Тем летом Эйб предложил ей сопровождать вечерние прогулки, так как днем она занималась. Джейн об этом мечтала: вечерние туристы давали больше чаевых, детей с собой не приводили, и им не надо было показывать лобстера. Парочки потягивали водку с клюквенным соком из прозрачных пластиковых стаканчиков, а Эйб подводил катер ближе к скалистому берегу, чтобы туристы могли поглазеть на роскошную прибрежную недвижимость: дома, стоявшие в глубине и скрытые от посторонних глаз высокими деревьями. С трассой их соединяли извилистые подъездные дорожки, и разглядеть их можно было только с моря.

Тем вечером через пятнадцать минут после начала прогулки небо окрасилось в необыкновенный оранжевый цвет. Джейн не переставала думать о том, что сказала о ней профессорша.

Внешне она никак не выдавала своего расстройтва и вела экскурсию как обычно.

Она показала туристам маленький островок, расположенный примерно в четверти мили от утесов, где на скалах гнездились морские котики. Официально он именовался островом Святого Георгия, но Джейн никогда не слышала, чтобы его так называли. Он был таким маленьким, что не заслуживал отдельного названия. В сильный шторм он целиком погружался под воду.

— Слева от вас — остров Святого Георгия, названный так британским исследователем Арчибальдом Пемброком в тысяча шестьсот пятом году, когда он открыл эту часть света, — проговорила она.

На самом деле она не знала, правда ли это. Она видела карту экспедиции Пемброка, и конечной точкой на ней значилось место примерно в трехстах милях к югу. Она сказала об этом Эйбу, и тот ответил, что Пемброк, скорее всего, высаживался в разных местах. Джейн решила, что Эйб просто не хочет углубляться в эту историю, ведь тогда понадобится переписывать сценарий экскурсии.

Хотя вопрос о том, бывал ли Пемброк в этих краях, оставался открытым, в 1930 году люди из местного общества любителей старины установили на острове небольшой памятник в честь триста двадцать пятого юбилея экспедиции. Памятник сохранился; издали его было почти не видеть, и он слился бы со скалами,

если бы чайки не выбрали его своей жертвой. Чайчий помет покрывал его, как белая краска; надпись было уже не разобрать.

Джейн упомянула о памятнике, но тут одна из туристок, сидевшая в первом ряду, тронула мужа и указала в противоположную сторону, на утесы.

— Жутковатый дом, — сказала она.

Она произнесла это так громко, что Джейн замолчала и повернулась посмотреть. Она знала, что напротив острова на мысе, нависшем над морем, стояли две большие сосны и по обе стороны тянулись неухоженные живые изгороди.

Но теперь она увидела, что одна из сосен упала во время вчерашней грозы. Корни торчали вверх, как рука с длинными скрюченными пальцами. Возник просвет, и через него Джейн разглядела дом: бледно-лиловый, очень старый, с башенками и изящным каменным бордюром, окрашенным кое-где в зеленый цвет, а кое-где в синий. Ставня в окне верхнего этажа болталась на петлях и, казалось, в любой момент могла упасть. Окно было разбито. В нем развевалась белая занавеска.

Туристка была права. Дом действительно выглядел жутковато. Но Джейн почему-то сильно захотелось пойти туда и осмотреться. Ее привлекали заброшки. Места, где когда-то бурлила жизнь, а теперь остановилась. В Новой Англии было много таких мест: заколоченные фабрики и государственные психиатрические лечебницы; покинутый парк аттракционов, где они с сестрой однажды залезли на самый верх американских горок по перекладинам.

Джейн считала себя крайне законопослушной. Она никогда бы не стала красть в магазинах, в жизни не

проехала бы на красный. Даже пиво никогда не пила. Но проникновение в заброшки почему-то не воспринималось как преступление. Для нее это была своего рода дань уважения прошлому.

Наутро, готовясь к занятиям, Джейн думала о лиловом доме и решила, что никто не заметит, если она всего раз пропустит семинар.

Мать спала в гостиной на диване, телевизор работал с прошлой ночи, на столе валялись четыре пустые пивные банки. Вчера поздно ночью Джейн слышала, как мать вернулась.

Джейн остановилась и посмотрела на нее. Мать была красивой, но выглядела не так, как должны выглядеть женщины ее возраста. Она одевалась как двадцатидвухлетние барменши из лобстерной Чарли — топы с глубоким вырезом, лифчики с поролоном. Густо подводила глаза, красила губы розовой помадой и курила, отчего ее кожа ссохлась, как пергамент.

Джейн иногда представляла, что случится нечто вроде «Чумовой пятницы»¹ и ее мать поменяется местами с Бетти Кроули, мамой Эллисон: проснется однажды и обнаружит, что стоит у плиты в опрятном сарафане и ортопедических сандалиях и переворачивает яичницу.

Мать шевельнулась.

Джейн схватила рюкзак, села на велик и уехала.

Она ехала по Шор-роуд и сворачивала на все подъездные дорожки к частным домам, а заметив призна-

¹ «Чумовая пятница» — фильм 1995 года, по сюжету которого мать и дочь меняются телами. Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

ки жизни — фургончик или женщину в саду, — разворачивалась и гнала обратно. В лиловом доме точно никто не жил, в этом она не сомневалась.

Через сорок минут она его нашла. Сначала пропустила поворот: лишь ржавый почтовый ящик на углу Шор-роуд указывал, что в глубине стоит дом. Джейн прокатилась по проселочной дороге под навесом из крон, затенявших солнце, и выехала на большой участок на самом мысе с видом на океан. Там стоял лиловый особняк и такого же цвета амбар. Лужайка заросла. Рододендроны у дома бесконтрольно расплозились и увидели стены до окон второго этажа.

Джейн будто перенеслась в детство и ощутила будоражащее волнение; казалось, в любой момент из-за дерева может кто-то выскочить. От страха волосы наэлектризовались, хотя она знала, что реальной опасности нет.

Джейн подошла к крыльцу, проверяя, не прогнили ли доски. Возле двери была табличка исторического общества с именем первого хозяина дома и датой — 1846 год. Джейн заглянула в гостиную через окно. Стены были сплошь увешаны абстрактными полотнами: все свободное место было занято. Над камином висел портрет двух молодых женщин с кислыми лицами. Два зеленых бархатных дивана стояли на роскошном ковре. В уголке она заметила детский кукольный домик.

По другую сторону от двери тоже было окно; заглянув туда, Джейн увидела обеденный стол, стулья и хрустальную люстру на потолке. Там же располагался выход в коридор; балконные перила второго этажа обрушились и перегораживали проход, как железнодорожные рельсы. Настенная роспись от пола до потолка изображала закат над океаном.